

Серия «История»
2023. Т. 44. С. 86–95
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 378.4(571/53)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.44.86>

Материалы архива лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета как исторический источник

М. С. Лепешева, Г. В. Оглезнева*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются материалы архива лаборатории истории Сибири как исторический источник в контексте устной истории, биографики, а также как мемуарные записи. Выявляются особенности источников, обусловленные периодом записи воспоминаний старожилов в ходе историко-этнографических экспедиций, такие как недостаточная техническая обеспеченность интервьюера, нацеленность на фактографическую составляющую, тематические приоритеты. Как самостоятельный вид источника рассматриваются дневники студентов – участников экспедиций. Делается вывод, что материалы архива лаборатории истории Сибири имеют значительный источниковый потенциал и могут быть использованы для исследований по различной проблематике.

Ключевые слова: лаборатория истории Сибири Иркутского государственного университета, воспоминания старожилов, устная история, библиографика, мемуарные записи, дневники студентов.

Для цитирования: Лепешева М. С., Оглезнева Г. В. Материалы архива лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета как исторический источник // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2023. Т. 44. С. 86–95. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.44.86>

Original article

Materials of the Archive of the Siberian History Laboratory of Irkutsk State University as a Historical Source

M. S. Lepesheva, G. V. Oglezneva*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article examines the materials of the Siberian History Laboratory archive as a historical source in the context of oral history, biography, as well as memoirs. The features caused by the period of recording the memories of old-timers during historical and ethnographic expeditions are revealed: insufficient technical provision, focus on the factual component, thematic priorities. Diaries of students participating in expeditions are considered as an independent type of source. It is concluded that the materials of the archive of the Siberian History Laboratory have a significant source potential and can be used for research on various issues.

Keywords: Siberian History Laboratory of Irkutsk State University, memories of old-timers, oral history, bibliography, memoirs, diaries of students.

For citation: Lepesheva M.S., Oglezneva G.V. Materials of the Archive of the Siberian History Laboratory of Irkutsk State University as a Historical Source. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2023, vol. 44, pp. 86-95. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.44.86> (in Russian)

© Лепешева М. С., Оглезнева Г. В., 2023

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Лаборатория истории Сибири была основана в 1974 г. как учебно-вспомогательное подразделение при кафедре истории СССР с целью поиска новых источников и организации исследований по истории Сибири. Ее деятельность уже была рассмотрена в ряде публикаций [1; 4; 9]. Объектом анализа был и архив лаборатории (далее АЛИС) – как в целом, так и отдельные комплексы документов [3; 6]. Вместе с тем представляет интерес более углубленное изучение особенностей большей части письменных источников архива в контексте устной истории и биографики.

Архив лаборатории с 2011 г. находится в Музее истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова. Он насчитывает 592 тетради с записями воспоминаний и дневниками сотрудников экспедиций, состоявшихся с 1966 по 1989 г., а также собранные в ходе экспедиций документы, фотографии, письма. Сотрудники музея К. С. Никонова и В. Г. Антоник проделали большую работу по составлению каталогов этих документов, а также перечня экспедиций с указанием района и количества обследованных населенных пунктов, перечня воспоминаний старожилов, включающего краткие аннотации их содержания, порайонных таблиц с перечислением экспедиций, работавших в них в разные годы, с указанием числа информаторов в каждой из них, причем была подсчитана доля мужчин и женщин, а также сибиряков в первом и втором поколении. Ими же был подготовлен сборник воспоминаний старожилов Иркутской области «Сохраненная память», который, к сожалению, до сих пор не опубликован. В нем указано, что АЛИС содержит воспоминания 3832 человек, проживавших в 385 населенных пунктах Восточной Сибири, из них 2298 мужчин и 1534 женщины [10].

Именно систематическая организация историко-этнографических экспедиций позволила Е. А. Ростовцеву отнести Иркутский университет к числу немногих центров, занимавшихся в советское время устной историей: «Действительно, в условиях советского тоталитаризма позиция “молчащего большинства” была и не нужна, и не интересна режиму и обслуживающей его науке» [8, с. 524]. Нужно учитывать, что экспедиции финансировались государством, и С. Ф. Коваль признавался: «...я выполняю не свою волю, а задание университета в соответствии с общегосударственным планом экспедиционных исследований»¹. С 1979 г. материалы этих экспедиций стали базой архивной, музейной и экскурсионной практики, что свидетельствует о заинтересованности (как минимум исторического факультета) в приобщении студентов к живой истории и сочетании практики работы с письменными источниками в местных архивах, поселковых советах и устными источниками в виде воспоминаний жителей этих населенных пунктов.

В соответствии с современными подходами по основным признакам записанные воспоминания могут быть отнесены к устным историческим источникам: они созданы в рамках историко-этнографических экспедиций путем опроса представителей старшего поколения в сельских (иногда и городских) поселениях Иркутской области, Красноярского края, части Республики

---

¹ МИГИ. Ф. 6. ВХ-509-47. Л. 20.

Бурятия, Республики Саха (Якутия) по заранее подготовленным вопросам по темам, которые считались приоритетными в 1960-х – начале 1980-х гг. К числу приоритетных относилось изучение политической ссылки, Гражданской войны и партизанского движения, а также история коммун и колхозов, социально-политическая и культурная жизнь народа. Историко-этнографическое направление в первое десятилетие исследований скорее декларировалось как приоритетное, хотя с конца 1970-х гг. оно стало занимать больше места в работе экспедиций.

Выбор направления исследований, несомненно, коррелировал с проблематикой исторических исследований того времени, и главной задачей студентов – участников экспедиций было расширение источниковой базы по указанным направлениям, заполнение имеющихся лакун, выявление новых фактов. С. Ф. Коваль писал, оценивая результаты экспедиции 1978 г.: «Воспоминания, в большинстве своем, единственный источник по многим проблемам истории края, не отраженным сколько-нибудь полно, а то и вообще неизвестным в литературе»². Указанная задача определяла стремление студентов выявить и опросить как можно больше старожилов (носителями такой информации были в первую очередь люди преклонного возраста, порой 1890-х гг. рождения), пока они еще сохраняли память и могли рассказать о событиях начала XX в. Таким образом, тематика записанных воспоминаний была значительно уже, чем в современной устной истории, что вполне объяснимо.

Раннее начало создания архива устных исторических источников определило особенности его содержания. В это время не было выработано обязательных требований к записи бесед, что обусловлено в первую очередь объективными обстоятельствами. Как известно, в США и Западной Европе массовый интерес к устной истории связывают с появлением звукозаписывающей техники, которая позволяла фиксировать интервью дословно и затем интерпретировать его с применением различных методик. У нас локальный интерес возник раньше, чем портативные магнитофоны стали обыденностью, поэтому использовалась ручная фиксация воспоминаний, не позволяющая учесть все нюансы записанной беседы, интонацию, особенности говора. Требования к ручной записи были изложены в методических рекомендациях Т. К. Щегловой: «В случае ручной записи интервью, воспоминание записывается непосредственно вслед за рассказом дословно, без пропуска отдельных слов и фраз, от первого, а не от третьего лица. Следует максимально точно воспроизводить выражения опрашиваемого... Желательно записывать не только все ответы респондента, но и вопросы и замечания интервьюера» [12, с. 12–13]. Это идеальный вариант, совершенно недостижимый на практике. Даже на лекции, когда преподаватель старается говорить с оптимальной скоростью, чтобы студенты могли составить конспект, записать дословно невозможно.

Тем не менее такая установка давалась руководителями отрядов экспедиции перед началом работ. Например, в первый день работы Ленской экс-

---

² МИГИ. Ф. 26. ВХ-509-323. Л. 24.

педиции 1968 г. весь ее состав слушал в течение двух с половиной часов выступление киренского краеведа И. М. Журавлева по некоторым вопросам истории края. Основная запись была поручена руководителям отрядов, которые уже имели опыт работы в экспедициях прошлых лет, чтобы на первом опыте провести разбор записей всеми участниками экспедиции и научить правильному ведению записей тех, кто впервые участвует в экспедициях. «Вечером состоялась небольшая методическая беседа о том, как нужно вести запись рассказа-воспоминания, об ответственности как ведущего основную, так и контрольную запись»³. Контрольную запись, включающую основные факты – даты, фамилии, географические названия, ввели для того, чтобы нивелировать предполагаемую неполноту основной записи. Конечно, это не восполняло отсутствия возможности записи на магнитофон (диктофон), но приходилось выбирать – либо так, либо никак. В то же время в силу политических реалий 1960-х – первой половины 1980-х гг. беседа без записи на диктофон была более открытой и доверительной, а чаще всего и единственно возможной. Да и сами западные исследователи не считали магнитофон главным залогом успеха: «Когда творческая мысль историка или социолога не направляет процесс интервью, то результатом бывают лишь многие часы бессмысленной информации» [11, с. 170].

Следует отметить еще одну особенность, связанную с условиями создания устных исторических источников: главной составляющей на протяжении практически всего периода сбора воспоминаний считалась его фактографическая сторона. На оценочную информацию обращали меньше внимания, прежде всего потому, что вопросы об отношении информанта к тем или иным событиям, особенно 1930-х гг., могли привести к его полному отказу от беседы. Настороженное отношение информантов к самому процессу записи исключало, как правило, и подпись под чистовым вариантом рассказа (исключений было немного). Иногда оценочная информация либо исходила от респондента добровольно, либо была косвенной. Например, Варфоломей Герасимович Попков, 1903 г. р., житель села Тайшетского района, переселившийся из Могилевской губернии в 1911 г., в 1981 г. так описывал процесс коллективизации: «Как объявили идти в колхоз, разбежались кто куда, многие попродались еще до этого. В одно время с Шелехово приезжали [агитаторы]: “Собирайтесь, товарищи, в колхоз”. Никто не идет. В другой раз [приезжают] – с угрозами. Семья у меня большая, 5 человек. Хозяйка неграмотная. Сам [я] тоже неграмотный, чтоб на производство идти. [Пошел в колхоз.] Ничего – не подох в колхозе, не подох и хлеб получал. Домов 30 в колхоз вошли»⁴. Из этого интервью можно получить представление о методах коллективизации, опасениях крестьян, мотивах вступления в колхоз, оценке этого шага. Знакомство с большим массивом таких воспоминаний побуждает признать правоту тех исследователей, которые считают устный источник самодостаточным и позволяющим каждому трактовать его в зависимости от личного мировоззрения. Профессиональный историк имеет то же право.

³ МИГИ. Ф. 6. ВХ-509-47. Л. 12.

⁴ Там же. Ф. 40. ВХ-509-473. Л. 36.

Уровень репрезентативности и достоверности материалов АЛИС для изучения истории региона зависит от изучаемой темы и предмета исследования. Разумеется, материалы по личному хозяйству, элементам бытовой культуры, праздникам и будням доколхозной деревни отражают общую картину с учетом региональных особенностей. Что касается событийной истории, то субъективизм информанта складывается из степени его участия в событиях, политической ситуации в момент записи беседы, состояния его памяти, частоты обращений к затронутой теме (например, участник партизанского движения в годы Гражданской или Великой Отечественной войн многократно выступал с рассказами перед школьниками) и т. д. К этому добавляется влияние интервьюера, о чем многократно писали все исследователи, работавшие с устными источниками.

В современных исследованиях устную историю нередко связывают с биографикой как наукой об изучении человека в истории, т. е. жизни конкретных людей, причастных к историческим событиям и различным сферам человеческой деятельности. В материалах, отложившихся в архиве лаборатории истории Сибири, основным вектором бесед была история жизни информанта. Габриэль Розенталь в своей статье поясняет, что перед началом интервью они просили рассказчиков автобиографий дать именно описание событий своей жизни, причем рассказ не прерывался вопросами, они задавались на следующем этапе интервью [7, с. 323–324]. Этот алгоритм беседы ближе всего методике, применяемой в работе историко-этнографических экспедиций лаборатории истории Сибири. Конечно, записанная беседа не передаст всех фактов биографии конкретного человека, но позволяет увидеть ее в контексте тех событий эпохи, которые интересуют интервьюера.

По мнению И. Ф. Петровской, интересна биография любого лица всех социальных слоев, всех рангов, если известны время его жизни, регион жительства и принадлежность к определенной социальной группе [5, с. 18]. При достаточном массиве биографий их сопоставление позволяет выделить и общие черты жизненного пути крестьян Восточной Сибири как основной социальной группы респондентов, и уникальные судьбы (например, биография К. Д. Янковского, который в 1930-х гг. занимался «советизацией» эвенков (записи 1978 г. в с. Шиткино Тайшетского района))⁵. В то же время рассказы старожилов о своей жизни дают возможность увидеть их стремления, намерения, мотивы поведения в ситуациях выбора, систему жизненных ценностей, что делает даже типичную биографию индивидуальной. Раскрыть многообразие людей и в конечном счете создать групповой портрет общества, состоящего из неповторимых индивидуальностей, одна из задач биографики [Там же].

Материалы АЛИС, согласно другому подходу к их анализу, также могут рассматриваться в качестве мемуарных записей. В этом случае речь идет о ручной записи, которая может быть литературно обработана интервьюером. Н. П. Матханова, указывая на подобную практику, принятую в XIX в., при-

---

⁵ МИГИ. Ф. 24. ВХ-509-296. Л. 26–50.

водит требование М. И. Семевского при публикации указывать место и время записи, а также давать информацию о лице, ее выполнившем [2, с. 85]. Все эти данные сопровождают каждое воспоминание в АЛИС.

Более того, все участники экспедиций, записывающие воспоминания, вели дневники, в которых более или менее подробно описывали условия проведения беседы, степень готовности информанта общаться с интервьюерами, сохранность его памяти, общее впечатление от беседы. Как подчеркивают все исследователи, на процесс обработки устных рассказов оказывают влияние интересы интервьюера, его эрудиция, отношение к событиям, о которых идет речь, наконец, его ответственность и работоспособность. В этом случае субъективность мемуарной записи возрастает, но может быть исследована как вариант восприятия исторического прошлого представителями молодого поколения 1960–1980-х гг.

И сами дневники участников экспедиций могут быть рассмотрены как источники личного происхождения, характеризующие студенчество этого периода. Это были учащиеся разных курсов, с разным уровнем подготовки, некоторые из них уже с опытом работы в экспедициях. Ко всем студентам предъявлялись определенные требования по заполнению дневников, которые касались характеристики их работы, но все остальные записи достаточно индивидуальны и отражают жизненные ценности и приоритеты студентов этого периода.

Немало места в дневниках отводилось рассказу о бытовых условиях, далеко не всегда комфортных, что не всем оказалось под силу вытерпеть. Некоторые студенты если и не жалели о своем участии в экспедиции, то выражали желание о ее скорейшем окончании. Но многие даже в таких ситуациях не унывали и считали подобные экспедиции вызовом собственным возможностям, поэтому нередко участвовали в нескольких экспедициях.

Вся жизнь экспедиции более или менее подробно отражается в дневниках студентов. Дневник в данном случае является не только инструментом отчетности и показателем самостоятельной дисциплинированности студентов, но и важным источником, раскрывающим отношения внутри коллектива, т. е. как между сверстниками, так и к старшим коллегам, начальникам экспедиций, и местным жителям. Например, чаще всего недовольство у студентов вызывали несоответствие объема работы и сроков, поставленных для ее выполнения: «Думаем, как писать (или как бы решиться начать написать) отчет, который нам кажется никчемным бумагомаранием...»⁶ Экспедиционные дневники проверялись начальниками и руководителями практики, и наличие подобных записей показывает, что учащиеся не боялись выразить свое мнение по поводу чрезмерных, на их взгляд, требований. Очевидно, работа в экспедиции сближала студентов с преподавателями, помогала раскрыть всех участников с новой стороны.

Руководители экспедиций и начальники отрядов также подавали учащимся пример профессионализма, формируя систему жизненных ценностей

---

⁶ МИГИ. Ф. 36. ВХ-509-419. Л. 25.

и показывая варианты выхода из сложных положений. «Попали к очень интересному старичку – бывшему чекисту. Сначала он расплакался – и мы не знали, как себя вести. Но потом шеф [Шахеров В. П.] нашелся – он у нас большой дипломат. Оказалось, что он сегодня получил газету, в которой помещена фотография его с сослуживцами. Ну, и конечно – вспомнилось былое <...> Это, по-моему, самые ценные воспоминания с начала практики»⁷. Из этой дневниковой записи студента видно, как глубоко он уважает преподавателя и как высоко он оценивает его навыки и умения. Подобные случаи формировали у учащихся навыки правильной оценки ситуации и умение найти подход к своему собеседнику.

По дневникам можно проследить личные и научные интересы учащихся, степень заинтересованности в экспедиционной работе. В дневниках по незначительным деталям можно наблюдать процесс формирования взглядов подрастающего поколения на власть, религию, церковь и историю своей страны. Самые яркие впечатления студенты получали от общения со старожилыми. Они проникались уважением к тем старожилым, которые искренне верили в идеи революции и делали все на благо государства; к людям, которые в годы Великой Отечественной войны защищали свою страну; к честным труженикам и к тем, которые достойно пережил репрессии, не потерял веру в себя и человечество. Вместе с тем находились собеседники, которые вызывали у студентов неприятные чувства. Это были старожилы, которые ради личной выгоды бежали от коллективизации или в годы репрессий клеветали на невиновных людей для устранения личных врагов. Последние больше всего удивляли студентов: «Так ведь это – один из тех, кто следил за честными людьми, клеветал на них. Долгих – один из тех Иуд <...> которые помогали арестовывать заведомо невиновных людей!» Уходили от старика с тяжелым чувством: «Вот тебе и настоящий революционер!»⁸ Студенты испытывали патриотические чувства к своей стране, а эти личности вызывали у них неприязнь.

Судьбы старожилых порождали у многих студентов эмпатический отклик и внутреннее сопереживание, которое можно проследить на страницах дневников. Иногда в ходе экспедиции происходили удивительные случаи, оставившие глубокий след в жизни участников. Так, в ходе Лено-Витимской историко-этнографической экспедиции 1976 г. студенты чуть не стали свидетелями самоубийства одной из жительниц сибирской деревни⁹. И именно они смогли отговорить женщину от этого страшного поступка. В таких ситуациях проявлялось мужество студентов и способность реагировать в нестандартных ситуациях.

Также экспедиционная жизнь помогала студентам взглянуть с новой стороны на историю своей страны, оценить работу действующих институтов власти, увидеть реальное экономическое положение дел в городах и деревнях Сибири. Так, например, некоторые колхозы вызывали у студентов чув-

⁷ МИГИ. Ф. 39. ВХ-509-455. Л. 19.

⁸ Там же. Ф. 8. ВХ-509-73. Л. 23–24.

⁹ Там же. Ф. 20. ВХ-509-245. Л. 23.

ство гордости за свою страну, некоторые, по их мнению, требовали реорганизации. Реже встречаются рассуждения на тему религии и церкви, в основном это фактографическая информация, хотя некоторые студенты отмечали архаичность религиозного сознания. В ходе экспедиций студенты также посещали музеи, и на страницах дневников попадаются описания коллекций этих музеев, указываются количество и степень сохранности экспонатов, уровень исторической подготовки сотрудников. Подобные записи характеризуют студентов как вдумчивых людей, говорят об аналитическом складе ума. Студентов учили не только описывать, что они видят, но и подвергать оценке и предлагать возможные варианты решения возникающих проблем.

В дневниках прослеживаются как личные моральные ориентиры авторов, которые они применяют к обществу, так и общественные нормы морали. Небрежное отношение к чужому имуществу, употребление алкоголя, нарушение общественного порядка – проявление этих качеств порицалось в дневниках большинства участников экспедиций. Иногда внутренние разногласия перерастали в крупные ссоры. Ведение записей всеми участниками экспедиций позволяет взглянуть на эти конфликты с разных сторон. Неприятие могли вызвать такие личные качества коллег, как чрезмерная инициативность, грубость и леность. Кроме этого, экспедиционные дневники стали площадкой для самоанализа студентов, где они могли дать оценку собственным знаниям, компетенциям и качеству своей работы. В целом дневники студентов – участников историко-этнографических экспедиций можно рассматривать как самостоятельный источник, особенность которого заключается в соединении индивидуального и общего восприятия получаемой информации и окружающей действительности.

Материалы АЛИС все еще являются малоизученным источником по истории Сибири XX в. В настоящее время интерес к устной истории неуклонно возрастает, что делает их важным источником изучения многих аспектов истории, начиная от быта старожилов, их роли и восприятия исторических процессов и заканчивая жизнью студенчества 1960–1980-х гг. и исторической парадигмой, в которой они воспитывались. Многие из описанных событий уже ушли в историю, и то, что для их современников было обыденностью, для исследователей сейчас предмет изучения.

Список литературы

1. Антоник В. Г. Сохраненная память (об архиве Лаборатории истории Сибири исторического факультета Иркутского государственного университета) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2016. Т. 16. С. 208–213.
2. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 549 с.
3. Никонова К. С. Архив Каминских в фондах Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2016. Т. 16. С. 140–150.
4. Оглезнева Г. В., Шапова Л. В. Лаборатория истории Сибири ИГУ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/laboratoriya-istorii-sibiri-igu> (дата обращения: 15.10.2021).
5. Петровская И. Ф. Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб. : Петрополис, 2010. 381 с.

6. Подольская Л. Я. Педагог и воспитатель // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2011. № 1(1). С. 205–218.

7. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 322–356.

8. Ростовцев Е. А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 524–545.

9. Соломон Е. Ш. Устная история: опыт работы лаборатории истории Сибири ИГУ и музея истории ИрГТУ // Человек на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. Иркутск, 2012. С. 28–39.

10. Сохранение памяти: научно-исследовательский проект исторического факультета ИГУ (1958–1989) // Музей истории города Иркутска имени А. М. Сибирякова. URL: <https://clck.ru/YFZHK> (дата обращения: 15.10.2021).

11. Харевен Т. Время семьи и время промышленности // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 146–189.

12. Щеглова Т. К. Методика сбора устных исторических источников: метод. пособие. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. Вып. 3. С. 12–13.

References

1. Antonik V.G. Sohrannaja pamjat (ob arhive Laboratorii istorii Sibiri istoricheskogo fakulteta Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta) [Preserved Memory (about the Archive of the Laboratory of the History of Siberia of the Historical Faculty of Irkutsk State University)]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*. 2016, vol. 16, pp. 208–213. (in Russian)

2. Mathanova N.P. *Sibirskaja memuaristika XIX veka* [Siberian Memoiristics of the 19th Century]. Ed. by N.N. Pokrovskij. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2010, 549 p. (in Russian)

3. Nikonova K.S. Arhiv Kaminskih v fondah Muzeja istorii goroda Irkutsk im. A.M. Sibirjakova [Kaminsky Archive in the Funds of the Museum of the History of Irkutsk named after A.M. Sibirjakov]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2016, vol. 16, pp. 140–150. (in Russian)

4. Oglezneva G.V., Shapova L.V. *Laboratorija istorii Sibiri IGU* [Laboratory of the History of Siberia of the ISU]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/laboratoriya-istorii-sibiri-igu> (date of access: 15.10.2021) (in Russian)

5. Petrovskaja I.F. *Biografika: vvedenie v nauku i obozrenie istochnikov biograficheskikh svedenij o dejateljah Rossii 1801-1917 godov* [Biographica: Introduction to Science and Review of Sources of Biographical Information about the Figures of Russia 1801–1917]. St-Peterburg, Petropolis Publ., 2010, 381 p. (in Russian)

6. Podolskaja L. Ja. Pedagog i vospitatel [Teacher and educator]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2011, no. 1 (1), pp. 205–218. (in Russian)

7. Rozental G. Rekonstrukcija rasskazov o zhizni: princip otbora, kotorymi rukovodstvujutsja rasskazchiki v biograficheskikh narrativnyh intervju [Reconstruction of Life Stories: the Principle of Selection, Which Guides Narrators in Biographical Narrative Interviews]. *Hrestomatija po ustnoj istorii* [Reader on oral history]. Trans., comp., introduction, general ed. by M.V. Loskutova. St. Petersburg, Evrop. un-ta v S.-Peterburge Publ., 2003, pp. 322–356. (in Russian)

8. Rostovcev E.A. Rossijskaja nauka ob ustnoj istorii [Russian Science of Oral History]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2018, vol. 63, iss. 2, pp. 524–545. (in Russian)

9. Solomon E.Sh. Ustnaja istorija: opyt raboty laboratorii istorii Sibiri IGU i muzeja istorii IrGTU [Oral history: the experience of the Siberian History Laboratory of the ISU and the Museum of History of the IrSTU]. *Chelovek na Vostoke i Zapade: vzgljad iz Sibiri* [Man in the East and West: a View from Siberia]. Irkutsk, 2012, pp. 28–39. (in Russian)

10. Sohranenie pamjati: nauchno-issledovatel'skij proekt istoricheskogo fakulteta IGU (1958–1989) [Preservation of Memory: a Research Project of the Faculty of History of the ISU (1958–1989)]. *Muzej istorii goroda Irkutsk imeni A. M. Sibirjakova* [Museum of the History of the City of

Irkutsk Named after A.M. Sibiryakov]. Available at: <https://clck.ru/YFZHK> (date of access: 15.10.2021). (in Russian)

11. Hareven T. Vremja semi i vremja promyshlennosti [Family Time and Industry Time]. *Hrestomatija po ustnoj istorii. Per., sost., vvedenie, obshh. red. M.V. Loskutovoj.*) [Anthology of Oral History. Trans., comp., introduction, general ed. by M.V. Loskutova]. St. Peterburg, Evrop. Univ. in S.-Peterburge Publ., 2003, pp. 146-189. (in Russian)

12. Shheglova T.K. Metodika sbora ustnyh istoricheskikh istochnikov: Metod. Posobie [The Methodics of Collecting Oral Historical sources: Method]. Barnaul, BGPU Publ., 2006, iss. 3, pp. 12-13. (in Russian)

Сведения об авторах

Лепешева Мария Сергеевна

*магистрант 2-го курса,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: m.lepescheva2014@yandex.ru*

Оглезнева Галина Васильевна

*кандидат исторических наук, доцент
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: gogl@mail.ru*

Information about the authors

Lepesheva Maria Sergeevna

*Undegraduate, Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: m.lepescheva2014@yandex.ru*

Oglezneva Galina Vasilievna

*Candidate of Sciences (History),
Associate Professor
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: gogl@mail.ru*